

Марина Цветаева

(1892 –1941)

Домики старой Москвы

Слава прабабушек томных,
Домики старой Москвы,
Из переулочков скромных
Всё исчезаете вы,

Точно дворцы ледяные
По мановенью жезла.
Где потолки расписные,
До потолков зеркала?

Где клавесина аккорды,
Тёмные шторы в цветах,
Великолепные морды
На вековых воротах,

Кудри, склонённые к пальцам,
Взгляды портретов в упор...
Странно постукивать пальцем
О деревянный забор!

Домики с знаком породы,
С видом её сторожей,
Вас заменили уроды, –
Грузные, в шесть этажей.

Домовладельцы – их право!
И погибаете вы,
Томных прабабушек слава,
Домики старой Москвы.

Моим стихам, написанным так рано

Моим стихам, написанным так рано,
Что и не знала я, что я – поэт,
Сорвавшимся, как брызги из фонтана,
Как искры из ракет,

Ворвавшимся, как маленькие черти,
В святилище, где сон и фимиам,
Моим стихам о юности и смерти,
– Нечитанным стихам! –

Разбросанным в пыли по магазинам
(Где их никто не брал и не берёт!),
Моим стихам, как драгоценным винам,
Настанет свой черёд.

Вы, идущие мимо меня

Вы, идущие мимо меня
К не моим и сомнительным чарам, —
Если б знали вы, сколько огня,
Сколько жизни, растраченной даром,

И какой героический пыл
На случайную тень и на шорох...
И как сердце мне испепелил
Этот даром истраченный порох.

О, летящие в ночь поезда,
Уносящие сон на вокзале...
Впрочем, знаю я, что и тогда
Не узнали бы вы — если б знали —

Почему мои речи резки
В вечном дыме моей папиросы,—
Сколько тёмной и грозной тоски
В голове моей светловолосой.

Прохожий (Идёшь на меня похожий)

Идёшь, на меня похожий,
Глаза устремляя вниз.
Я их опускала — тоже!
Прохожий, остановись!

Прочти — слепоты куриной
И маков набрав букет,
Что звали меня Мариной
И сколько мне было лет.

Не думай, что здесь — могила,
Что я появлюсь, грозя...
Я слишком сама любила
Смеяться, когда нельзя!

И кровь прилиwała к коже,
И кудри мои вились...
Я тоже была, прохожий!
Прохожий, остановись!

Сорви себе стебель дикий
И ягоду ему вслед, —
Кладбищенской земляники
Крупнее и слаще нет.

Но только не стой угрюмо,
Главу опустив на грудь.
Легко обо мне подумай,
Легко обо мне забудь.

Как луч тебя освещает!
Ты весь в золотой пыли...
— И пусть тебя не смущает
Мой голос из-под земли.

В час, когда

В час, когда мой милый брат
Миновал последний вяз
(Взмахов, выстроенных в ряд),
Были слёзы — больше глаз.

В час, когда мой милый друг
Огибал последний мыс
(Вздохов мысленных: вернись!)
Были взмахи — больше рук.

Точно руки — вслед — от плеч!
Точно губы вслед — зажать!
Звуки растеряла речь,
Пальцы растеряла пясть.

В час, когда мой милый гость...
— Господи, взгляни на нас! —
Были слёзы больше глаз
Человеческих и звёзд
Атлантических...

Бабушке

Продолговатый и твёрдый овал,
Чёрного платья раструбы...
Юная бабушка! Кто целовал
Ваши надменные губы?

Руки, которые в залах дворца
Вальсы Шопена играли...

По сторонам ледяного лица
Локоны, в виде спирали.

Тёмный, прямой и взыскательный взгляд.
Взгляд, к обороне готовый.
Юные женщины так не глядят.
Юная бабушка, кто вы?

Сколько возможностей вы унесли,
И невозможностей – сколько? –
В ненасытимую прорву земли,
Двадцатилетняя полька!

День был невинен, и ветер был свеж.
Тёмные звёзды погасли.
– Бабушка! – Этот жестокий мятеж
В сердце моём – не от вас ли?..

Генералам двенадцатого года

Вы, чьи широкие шинели
Напоминали паруса,
Чьи шпоры весело звенели
И голоса.

И чьи глаза, как бриллианты,
На сердце вырезали след –
Очаровательные франты
Минувших лет.

Одним ожесточеньем воли
Вы брали сердце и скалу, –
Цари на каждом бранном поле
И на балу.

Вас охраняла длань Господня
И сердце матери. Вчера –
Малютки-мальчики, сегодня –
Офицера.

Вам все вершины были малы
И мягок – самый чёрствый хлеб,
О, молодые генералы
Своих судеб!

Ах, на гравюре полустёртой,
В один великолепный миг,
Я встретила, Тучков-четвёртый,
Ваш нежный лик,

И вашу хрупкую фигуру,
И золотые ордена...
И я, поцеловав гравюру,
Не знала сна.

О, как — мне кажется — могли вы
Рукою, полною перстней,
И кудри дев ласкать — и гривы
Своих коней.

В одной невероятной скачке
Вы прожили свой краткий век...
И ваши кудри, ваши бачки
Засыпал снег.

Три сотни побеждало — трое!
Лишь мёртвый не вставал с земли.
Вы были дети и герои,
Вы всё могли.

Что так же трогательно-юно,
Как ваша бешеная рать?..
Вас златокудрая Фортуна
Вела, как мать.

Вы побеждали и любили
Любовь и сабли острее —
И весело переходили
В небытие.

Под лаской плюшевого пледа

Под лаской плюшевого пледа
Вчерашний вызываю сон.
Что это было? — Чья победа? —
Кто побеждён?

Всё передумываю снова,
Всем перемучиваюсь вновь.
В том, для чего не знаю слова,
Была ль любовь?

Кто был охотник? – Кто – добыча?
Всё дьявольски-наоборот!
Что понял, длительно мурлыча,
Сибирский кот?

В том поединке своеволий
Кто, в чьей руке был только мяч?
Чьё сердце – Ваше ли, моё ли
Летело вскачь?

И всё-таки – что ж это было?
Чего так хочется и жаль?
Так и не знаю: победила ль?
Побеждена ль?

Мне нравится, что вы больны не мной

Мне нравится, что вы больны не мной,
Мне нравится, что я больна не вами,
Что никогда тяжёлый шар земной
Не уплывёт под нашими ногами.
Мне нравится, что можно быть смешной –
Распущенной – и не играть словами,
И не краснеть удушливой волной,
Слегка соприкоснувшись рукавами.

Мне нравится ещё, что вы при мне
Спокойно обнимаете другую,
Не прочите мне в адовом огне
Гореть за то, что я не вас целую.
Что имя нежное моё, мой нежный, не
Упоминаете ни днём, ни ночью – всуе...
Что никогда в церковной тишине
Не пропоют над нами: аллилуйя!

Спасибо вам и сердцем и рукой
За то, что вы меня – не зная сами! –
Так любите: за мой ночной покой,
За редкость встреч закатными часами,
За наши не-гулянья под луной,
За солнце, не у нас над головами, –
За то, что вы больны – увы! – не мной,
За то, что я больна – увы! – не вами!

Анне Ахматовой

Узкий, нерусский стан –
Над фолиантами.
Шаль из турецких стран
Пала, как мантия.

Вас передашь одной
Ломаной чёрной линией.
Холод – в весельи, зной –
В Вашем унынии.

Вся Ваша жизнь – озноб,
И завершится – чем она?
Облачный – тёмн – лоб
Юного демона.

Каждого из земных
Вам заиграть – безделица!
И безоружный стих
В сердце нам целится.

В утренний сонный час,
– Кажется, четверть пятого, –
Я полюбила Вас,
Анна Ахматова.

Имя твоё – птица в руке

Имя твоё – птица в руке,
Имя твоё – льдинка на языке.
Одно-единственное движение губ.
Имя твоё – пять букв.
Мячик, пойманный на лету,
Серебряный бубенец во рту.

Камень, кинутый в тихий пруд,
Всхлипнет так, как тебя зовут.
В лёгком щёлканье ночных копыт
Громкое имя твоё гремит.
И назовёт его нам в висок
Звонко щёлкающий курок.

Имя твоё – ах, нельзя! –
Имя твоё – поцелуй в глаза,
В нежную стужу недвижных век.
Имя твоё – поцелуй в снег.
Ключевой, ледяной, голубой глоток...
С именем твоим – сон глубок.

Красной кистью рябина зажглась

Красною кистью
Рябина зажглась.
Падали листья.
Я родилась.

Спорили сотни
Колоколов.
День был субботний:
Иоанн Богослов.

Мне и доньше
Хочется грызть
Жаркой рябины
Горькую кисть.

Август

Август – астры,
Август – звёзды,
Август – грозди
Винограда и рябины
Ржавой – август!

Полновесным, благосклонным
Яблоком своим имперским,
Как дитя, играешь, август.
Как ладонью, гладишь сердце
Именем своим имперским:
Август! – Сердце!

Месяц поздних поцелуев,
Поздних роз и молний поздних!
Ливней звёздных –
Август! – Месяц
Ливней звёздных!

В огромном городе моём – ночь

В огромном городе моём – ночь.
Из дома сонного иду – прочь
И люди думают: жена, дочь, –
А я запомнила одно: ночь.

Июльский ветер мне метёт – путь,
И где-то музыка в окне – чуть.

Ах, нынче ветру до зари – дуть
Сквозь стенки тонкие груди – в грудь.

Есть чёрный тополь, и в окне – свет,
И звон на башне, и в руке – цвет,
И шаг вот этот – никому – вслед,
И тень вот эта, а меня – нет.

Огни – как нити золотых бус,
Ночного листика во рту – вкус.
Освободите от дневных уз,
Друзья, поймите, что я вам – снюсь.

Писала я на аспидной доске

Писала я на аспидной доске,
И на листочках вееров поблёклых,
И на речном, и на морском песке,
Коньками по льду, и кольцом на стёклах, –

И на стволах, которым сотни зим,
И, наконец, – чтоб всем было известно! –
Что ты любим! любим! любим! любим! –
Расписывалась – радугой небесной.

Как я хотела, чтобы каждый цвёл
В веках со мной! под пальцами моими!
И как потом, склонивши лоб на стол,
Крест-накрест перечёркивала – имя...

Но ты, в руке продажного писца
Зажатое! ты, что мне сердце жалишь!
Непроданное мной! внутри кольца!
Ты – уцелеешь на скрижалях.

У меня в Москве – купола горят!

У меня в Москве – купола горят!
У меня в Москве – колокола звонят!
И гробницы в ряд у меня стоят, –
В них царицы спят, и цари.

И не знаешь ты, что зарей в Кремле
Легче дышится – чем на всей земле!
И не знаешь ты, что зарей в Кремле
Я молюсь тебе – до зари!

И проходишь ты над своей Невой
О ту пору, как над рекой-Москвой
Я стою с опущенной головой,
И слипаются фонари.

Всей бессонницей я тебя люблю,
Всей бессонницей я тебе внемлю —
О ту пору, как по всему Кремлю
Просыпаются звонари...

Но моя река — да с твоей рекой,
Но моя рука — да с твоей рукой

Не сойдутся, Радость моя, доколь
Не догонит заря — зари.

Маме

В старом вальсе штраусовском впервые
Мы услышали твой тихий зов,
С той поры нам чужды все живые
И отраден беглый бой часов.

Мы, как ты, приветствуем закаты,
Упиваясь близостью конца.
Всё, чем в лучший вечер мы богаты,
Нам тобою вложено в сердца.

К детским снам клонясь неумоимо,
(Без тебя лишь месяц в них глядел!)
Ты вела своих малюток мимо
Горькой жизни помыслов и дел.

С ранних лет нам близок, кто печален,
Скучен смех и чужд домашний кров...
Наш корабль не в добрый миг отчален
И плывёт по воле всех ветров!

Всё бледней лазурный остров — детство,
Мы одни на палубе стоим.
Видно грусть оставила в наследство
Ты, о мама, девочкам своим!

Реквием

Уж сколько их упало в эту бездну,
Разверзтую вдали!
Настанет день, когда и я исчезну
С поверхности земли.

Застынет всё, что пело и боролось,
Сияло и рвалось.
И зелень глаз моих, и нежный голос,
И золото волос.

И будет жизнь с её насущным хлебом,
С забывчивостью дня.
И будет всё – как будто бы под небом
И не было меня!

Изменчивой, как дети, в каждой мине,
И так недолго злой,
Любившей час, когда дрова в камине
Становятся золой.

Виолончель, и кавалькады в чаще,
И колокол в селе...
– Меня, такой живой и настоящей
На ласковой земле!

К вам всем – что мне, ни в чём не знавшей меры,
Чужие и свои?! –
Я обращаюсь с требованьем веры
И с просьбой о любви.

И день и ночь, и письменно и устно:
За правду да и нет,
За то, что мне так часто – слишком грустно
И только двадцать лет,

За то, что мне прямая неизбежность –
Прощение обид,
За всю мою безудержную нежность
И слишком гордый вид,

За быстроту стремительных событий,
За правду, за игру...
– Послушайте! – Ещё меня любите
За то, что я умру.

Кто создан из камня, кто создан из глины

Кто создан из камня, кто создан из глины,—
А я серебрюсь и сверкаю!
Мне дело — измена, мне имя — Марина,
Я — бренная пена морская.

Кто создан из глины, кто создан из плоти —
Тем гроб и надгробные плиты...
— В купели морской крещена — и в полёте
Своём — непрестанно разбита!

Сквозь каждое сердце, сквозь каждые сети
Пробьётся моё своеволие.
Меня — видишь кудри беспутные эти? —
Земною не сделаешь солью.

Дробясь о гранитные ваши колена,
Я с каждой волной — воскресаю!
Да здравствует пена — весёлая пена —
Высокая пена морская!

Наши царства

Владенья наши царственно-богаты,
Их красоты не рассказать стиху:
В них ручейки, деревья, поле, скаты
И вишни прошлогодние во мху.

Мы обе — феи, добрые соседки,
Владенья наши делит тёмный лес.
Лежим в траве и смотрим, как сквозь ветки
Белеет облачко в выси небес.

Мы обе — феи, но большие (странно!)
Двух диких девочек лишь видят в нас.
Что ясно нам — для них совсем туманно:
Как и на всё — на фею нужен глаз!

Нам хорошо. Пока ещё в постели
Все старшие, и воздух летний свеж,
Бежим к себе. Деревья нам качели.
Беги, танцуй, сражайся, палки режь!..

Но день прошёл, и снова феи — дети,
Которых ждут, и шаг которых тих...
Ах, этот мир и счастье быть на свете
Ещё невзрослый передаст ли стих?

Москве

1

Когда рыжеволосый Самозванец
Тебя схватил – ты не согнула плеч.
Где спесь твоя, княгинюшка? – Румянец,
Красавица? – Разумница, – где речь?

Как Пётр-Царь, презрев закон сыновний,
Позарился на голову твою –
Боярыней Морозовой на дровнях
Ты отвечала Русскому Царю.

Не позабыли огненного пойла
Буонапарта хладные уста.
Не в первый раз в твоих соборах – стойла.
Всё вынесут кремлёвские бока.

2

Гришка-Вор тебя не ополячил,
Пётр-Царь тебя не онемечил.
Что же делаешь, голубка? – Плачу.
Где же спесь твоя, Москва? – Далече.

– Голубочки где твои? – Нет корму.
– Кто унёс его? – Да ворон чёрный.
– Где кресты твои святы? – Сбиты.
– Где сыны твои, Москва? – Убиты.

3

Жидкий звон, постный звон.
На все стороны – поклон.

Крик младенца, рёв коровы.
Слово дерзкое царёво.

Плётток свист и снег в крови.
Слово тёмное Любви.

Голубиный рокот тихий.
Чёрные глаза Стрельчихи.

Вчера ещё в глаза глядел

Вчера ещё в глаза глядел,
А нынче – всё косится в сторону!
Вчера ещё до птиц сидел,–
Всё жаворонки нынче – вороны!

Я глупая, а ты умён,
Живой, а я остолбенелая.
О, вопль женщин всех времён:
«Мой милый, что тебе я сделала?!»

И слёзы ей – вода, и кровь –
Вода, – в крови, в слезах умылася!
Не мать, а мачеха – Любовь:
Не ждите ни суда, ни милости.

Увозят милых корабли,
Уводит их дорога белая...
И стон стоит вдоль всей земли:
«Мой милый, что тебе я сделала?»

Вчера ещё – в ногах лежал!
Равнял с Китайскою державою!
Враз обе рученьки разжал,–
Жизнь выпала – копейкой ржавою!

Детоубийцей на суду
Стою – немилая, несмелая.
Я и в аду тебе скажу:
«Мой милый, что тебе я сделала?»

Спрошу я стул, спрошу кровать:
«За что, за что терплю и бедствую?»
«Отцеловал – колесовать:
Другую целовать», – отвечают.

Жить приучил в самом огне,
Сам бросил – в степь заледенелую!
Вот что ты, милый, сделал мне!
Мой милый, что тебе – я сделала?

Всё ведаю – не прекословь!
Вновь зрячая – уж не любовница!
Где отступает Любовь,
Там подступает Смерть-садовница.

Само – что дерево трясти! –
В срок яблоко спадает спелое...

— За всё, за всё меня прости,
Мой милый, — что тебе я сделала!

Попытка ревности

Как живётся вам с другою,—
Проще ведь?— Удар весла!—
Линией береговою
Скоро ль память отошла

Обо мне, плавучем острове
(По небу — не по водам)!
Души, души! — быть вам сёстрами,
Не любовницами — вам!

Как живётся вам с простою
Женщиною? Без божеств?
Государыню с престола
Свергши (с оно́го сошед),

Как живётся вам — хлопочется —
Ёжится? Встаётся — как?
С пошлиной бессмертной пошлости
Как справляетесь, бедняк?

«Судорог да перебоев —
Хватит! Дом себе найму».
Как живётся вам с любою —
Избранному моему!

Свойственнее и съедобнее —
Снедь? Приестся — не пеняй...
Как живётся вам с подобием —
Вам, поправшему Синай!

Как живётся вам с чужою,
Здешнею? Ребром — любя?
Стыд Зевесовой вожжою
Не охлёстывает лба?

Как живётся вам — здоровится —
Можется? Поётся — как?
С язвою бессмертной совести
Как справляетесь, бедняк?

Как живётся вам с товаром
Рыночным? Оброк — крутой?

После мраморов Каррары
Как живётся вам с трухой

Гипсовой? (Из глыбы высечен
Бог – и начисто разбит!)
Как живётся вам с сто-тысячной –
Вам, познавшему Лилит!

Рыночную новизною
Сыты ли? К волшбам остыв,
Как живётся вам с земною
Женщиною, без шестых

Чувств?..
Ну, за голову: счастливы?
Нет? В провале без глубин –
Как живётся, милый? Тяжче ли,
Так же ли, как мне с другим?

Асе

Ты – принцесса из царства не светского,
Он – твой рыцарь, готовый на всё...
О, как много в вас милого, детского,
Как понятно мне счастье твоё!

В светлой чаше берёз, где просветами
Голубеет сквозь листья вода,
Хорошо обмениваться ответами,
Хорошо быть принцессой. О, да!

Тихим вечером, медленно тающим,
Там, где сосны, болото и мхи,
Хорошо над костром догорающим
Говорить о закате стихи;

Возвращаться опасной дорогою
С соучастницей вечной – луной,
Быть принцессой лукавой и строгою
Лунной ночью, дорогой лесной.

Наслаждайтесь весенними звонами,
Милый рыцарь, влюблённый, как паж,
И принцесса с глазами зелёными, –
Этот миг, он короткий, но ваш!

Не смущайтесь словами нетвёрдыми!
Знайте: молодость, ветер – одно!
Вы сошлись и расстанетесь гордыми,
Если чаши завидится дно.

Хорошо быть красивыми, быстрыми
И, кострами дразня темноту,
Любоваться безумными искрами,
И как искры сгореть – на лету!

Тоска по Родине

Тоска по родине! Давно
Разоблачённая морока!
Мне совершенно всё равно –
Где совершенно одинокой

Быть, по каким камням домой
Брести с кошёлкою базарной
В дом, и не знающий, что – мой,
Как госпиталь или казарма.

Мне всё равно, каких среди
Лиц ошестиниваться пленным
Львом, из какой людской среды
Быть вытесненной – непременно –

В себя, в единоличье чувств.
Камчатским медведём без льдины
Где не ужиться (и не тщусь!),
Где унижаться – мне едино.

Не обольщусь и языком
Родным, его призывом млечным.
Мне безразлично – на каком
Непонимаемой быть встречным!

(Читателем, газетных тонн
Глотателем, доильцем сплетен...)
Двадцатого столетия – он,
А я – до всякого столетия!

Остолбеневши, как бревно,
Оставшееся от аллеи,
Мне все – равны, мне всё – равно,
И, может быть, всего равнее –

Роднее бывшее — всего.
Все признаки с меня, все меты,
Все даты — как рукой сняло:
Душа, родившаяся — где-то.

Так край меня не уберёт
Мой, что и самый зоркий сыщик
Вдоль всей души, всей — поперёк!
Родимого пятна не сыщет!

Всяк дом мне чужд, всяк храм мне пуст,
И всё — равно, и всё — едино.
Но если по дороге — куст
Встаёт, особенно — рябина...